

Платонова Елена Дмитриевна

Platonova Elena Dmitrievna

Финансово-промышленный университет «Синергия»

Finance and Industry University “Synergy”

Преподаватель кафедры экономической теории

Lector of Chair of Economics

Д.э.н./профессор

E-Mail: platonova.e@mal.ru

Адельфинский Алексей Олегович

Adelfinskiy Alexei Olegovich

Московский государственный областной университет

Moscow State Regional University

Преподаватель кафедры экономической теории

Lector of Chair of Economics

Д.э.н./профессор

E-Mail: bcm2010@rambler.ru

Богомолова Юлия Игоревна

Bogomolova Julia Igorevna

Институт международных экономических отношений

Institute of International Economic Relationships

Преподаватель кафедры экономики

Lector of Chair of Economy

К.э.н./доцент

E-Mail: Vcm_a@bk.ru

Дик Владимир Владимирович

Dik Vladimir Vladimirovich

Финансово-промышленный университет «Синергия»

Finance and Industry University “Synergy”

Заведующий кафедрой

Информационного менеджмента и электронной коммерции

Head of Chair of Information management and Commerce

Д.э.н./профессор

E-Mail: conferencarticle@bk.ru

Зайцев Николай Семенович
Zaitsev Nikolay Semenovich
Финансово-промышленный университет «Синергия»
Finance and Industry University “Synergy”
Преподаватель кафедры экономической теории
Lector of Chair of Economics
Д.э.н./профессор

08.00.01 Экономическая теория

**Инвестиционная практика в реальном секторе отечественной экономики:
теоретико-методологический взгляд на исходную модель
трансформационных преобразований**

Investment in the real sector of National economy: theoretical and methodological
view on the starting model of transformational change

Аннотация: В статье рассматриваются теоретико-методологические истоки формирования советской модели инвестиционной деятельности в реальном секторе экономики, раскрываются исторические условия создания мобилизационного типа общественного воспроизводства, дается характеристика советской модели инвестирования, как исходной для трансформационных преобразований, и выявляются объективные сложности реформирования отношений накопления.

The Abstract: The article considers the theoretical and methodological sources of the formation of the Soviet model of investment activity in real sector of economy, shows historical conditions of creation of mobilization type of public reproduction, reveals the characteristic of the Soviet model of investment as the starting model for transformational change, identifies the objective obstacles in the field of reforming the public accumulation.

Ключевые слова: Инвестиционная деятельность, реальный сектор экономики, накопление, воспроизводство, советская модель инвестирования, трансформация.

Keywords: Investment activity, real sector of economy, accumulation, reproduction, the Soviet model of investment, transformation.

В прошлом веке проблема трансформационных преобразований экономических основ общественных систем становилась одной из центральных в отечественной экономической науке дважды: в первой четверти и в последнем десятилетии. Трансформационным процессам посвящены многие исследования отечественных экономистов, которые с позиции логико-генетического подхода можно разбить на три большие группы. К первой группе следует отнести исследования, которые опираются на сущностную парадигму экономического знания и в центр исследовательского интереса ставят выявление социально-экономических сторон трансформации [1]. Однако переход к преимущественно рыночной координации экономических взаимосвязей сопровождался оживлением функционального подхода к анализу трансформационных явлений, характерным для неоклассиков и развитым на макроуровне Дж.М.Кейнсом [6]. Третья группа представлена представителями системного подхода, кото-

рые рассматривают трансформацию как системное явление в единстве формационной, координационной, цивилизационной и институциональной составляющих [2].

В середине двадцатых годов теоретико-методологическая проработка трансформационных процессов в воспроизводственной сфере была вызвана потребностями формирования экономической политики переходного периода, когда перед государством стояла задача ускоренного создания материальных предпосылок перехода к новому социальному строю и расширения роли социалистического уклада в общественном воспроизводстве.

Создание советской модели инвестирования, которая впоследствии явилась объектом трансформационных преобразований в конце прошлого века, являлась закономерным этапом в построении социализма в отдельно взятой стране. Крайне низкий уровень производительных сил в начале социальных преобразований, который характеризовался как хозяйственная послевоенная разруха, ставил под сомнение саму возможность экономического развития России на путях построения нового общества. Этот фактор оказывал значительное влияние на выбор темпов, сроков и методов проведения трансформационных преобразований в данный исторический период времени.

Первоначальные шаги по тотальному обобществлению воспроизводственной сферы, известные как «красногвардейская атака на капитал», и проведение новой экономической политики (НЭП) не оказали ключевого влияния на последующее формирование советской модели инвестиционной деятельности в реальном секторе отечественной экономики. В этой связи методологически правомерно утверждать, что данная модель сформировалась в процессе социалистического строительства в середине тридцатых годов и просуществовала до конца прошлого века, несмотря на предпринимаемые попытки ее реформирования.

Советская модель инвестирования являлась отражением теоретических представлений правящей партии о цели и задачах экономического развития страны, учитывающих внешнюю среду и внутренние условия ее построения.

Центральными звеньями программы социального строительства выступали:

- индустриализация, которая целенаправленно связывалась с созданием системы машин в отраслях тяжелой промышленности;
- коллективизация крестьянских хозяйств на основе индустриализации и создания индустриального аграрного сектора;
- культурная революция, которая предполагала инвестирование в человеческий потенциал для развития индустриального сектора экономики.

Промышленная революция по западноевропейскому образцу, которая выступала историческим аналогом индустриализации, начиналась с развития отраслей легкой промышленности в виду быстрого кругооборота капитала и достаточно низкого «порогового» минимума потребляемого капитала. В западноевропейских странах фабрика органически вырастала из мануфактур, среди которых центральное место занимало производство потребительских товаров.

Воспроизводственная структура западноевропейской капиталистической экономики формировалась эволюционно под воздействием становления рыночных механизмов регулирования производства и потребления и стихийно поддерживающегося соотношения платежеспособного спроса и предложения. Развитый рынок потребительских товаров, функционирующей для конечного потребителя – населения, являлся объективным условием относительного равновесия между производительной и потребительской силой общества, элиминируя роль субъективных факторов его инвестиционной деятельности.

Проблематика первоначального объекта инвестирования после окончания гражданской войны была в центре ожесточенной теоретической дискуссии между различными представителями большевистской партии на X–XV съездах ВКП (б). Н. Бухарин отстаивал точку зрения группы теоретиков, в которой обосновывалась необходимость первоочередного инвестирования в развитие крестьянских хозяйств, а также отраслей потребительского сектора. Но преобладала теоретическая позиция, выраженная Л. Троцким, которая в целом отражала найденную Карлом Марком закономерность развития индустриального производства: «Лишь только после того, как мы обеспечим восстановление средств производства, мы примемся за производство средств потребления»[18,С.288).

«Двигателем» инвестиций в реальный сектор капиталистической экономики было стремление получить сверхприбыль и обойти конкурента в стихии рынка. Теоретическое обоснование планомерности, как новой формы движения экономики, нашло свое практическое отражение в составлении комплексных народнохозяйственных планах, где национальное хозяйство представлялось «единой фабрикой».

Сознательная деятельность общества по регулированию воспроизводственных основ своего развития и поддержанию пропорциональности в процессе инвестирования должна была, по мнению теоретиков, уничтожить разрушительную стихию воспроизводственных механизмов рынка.

В процессе становления механизмов планирования, управления и стимулирования инвестиционной деятельности решались новаторские задачи по выработке теории и методологии краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного планирования капитальных вложений, которые рассматривались в качестве стержня по реализации планов социально-экономического развития страны в данных плановых горизонтах.

Развернувшаяся в конце двадцатых годов прошлого века среди советских экономистов теоретическая дискуссия выявила два подхода к разработке перспективных планов инвестиционной деятельности советского государства.

Согласно первому подходу плановые органы должны были исходить из целевых заданий, сформированных под воздействием совокупности факторов, в том числе, политической необходимости. Данный метод получил название телеологического и был своеобразным противовесом метода генетического, согласно которому планы должны создаваться на основе изучения внутренних экономических закономерностей и экстраполяции объективных тенденций развития экономики в будущем. Иными словами, генетический поход ставил ограничения сознательным действиям плановых органов и ограничивал роль субъективных факторов общественного прогресса.

Данные подходы, несмотря на их различие, имеют общую философскую основу – концепцию деятельностно-преобразующего предназначения Человека и идею подчинения объективных природных и социальных процессов его интересам и потребностям.

В социокультурном фоне современной цивилизации эта концепция являлась преобладающей на протяжении последних трехсот лет. С таким пониманием основной миссии Человека связан важнейший аспект ценностных ориентаций, который характерен для культуры Нового времени. Концептуальный каркас формирует убежденность в том, что Природа, в том числе, социальная, есть упорядоченный и закономерно развивающийся мир, в котором Человек с его Разумом способен осуществить свою полную власть над внешними явлениями и объектами, поставить их под свой контроль. Затруднение только в том, чтобы познать социальные законы и найти нужную социальную технологию для изменения природных и социальных процессов, поставив их на службу Человеку. Покоренная естественная и социальная

Природа будет удовлетворять человеческие потребности во все расширяющихся и, по сути, безграничных масштабах.

Теоретико-методологическая дискуссия между сторонниками телеологического и генетического методов разрешилась в пользу обоснования необходимости целевых заданий в натуральном выражении. Основатель советской плановой школы С. Струмилин в поддержку телеологического метода писал: «Наше планирование должно быть не простым предвидением, не только открытием закономерностей, но творческим, волевым строительством социалистического хозяйства» [19].

Телеологический подход позволял руководству страны концентрировать инвестиционные средства и мобилизовать ресурсы на достижение любой поставленной цели экономического развития. В тот исторический период цель формулировалась как создание мощной материально-технической базы, достаточной для отражения внешней агрессии, путем перераспределения основных ресурсов в отрасли тяжелой индустрии с использованием методов прямого директивного планирования.

Финансовые инвестиции и рыночный финансовый механизм обеспечения инвестирования в реальный сектор экономики были по существу исключены из внутреннего оборота и относились только к внешнеэкономической деятельности советского государства.

Использование в течение советского периода телеологического метода в планировании инвестиционной деятельности сделало проблему целеполагания центральной, в связи с чем целесообразность инвестиционной деятельности, понимаемой как достижение экономической эффективности, определялась уже в процессе разработки и последующей реализации плановых государственных заданий.

Инвестиционная практика после проведения трансформационных преобразований в тридцатых годах прошлого века была такова, что государство выступало главным инвестором, а также представляло всех участников инвестиционного комплекса и инфраструктуры - плановые органы, органы материально-технического снабжения, банки, арбитраж и др.

В тот период обоснованы и разработаны первые модели инвестиционного роста национального дохода на макроуровне. В основание советской модели инвестирования были положены методологические идеи Марксовой теории воспроизводства и школы трудовой стоимости. Вместе с тем советская плановая школа 20–30-х годов XX века, представленная В.Кржижановским, Г. Графтио, С. Струмилиным, Г. Фельдманом, В. Леонтьевым, Н. Вознесенским, испытывала мощное влияние работ М. Вальраса и других представителей экономических школ, базирующихся на функциональном анализе экономики.

Теоретические подходы советской экономической науки предвосхитили многие разработки видных западных экономистов 50–60-х годов XX века в области экономического роста и оптимизации инвестиционных процессов. Это особо следует подчеркнуть, т.к. в настоящее время достижения советской плановой школы 20-х годов XX века освещаются некорректно и связываются с крахом плановой системы, что с теоретико-методологической точки зрения неправомерно.

Советская народнохозяйственная модель основывалась на теоретической предпосылке о том, что прирост национального дохода является результатом увеличения массы труда и его результативности.

Реальные инвестиции в форме капитальных вложений обеспечивают, с одной стороны, наращивание массы труда при соответствующем увеличении используемых средства производства, включая природные ресурсы, сырье, материалы, а, с другой стороны, совершенствование факторов производства и технологических укладов. Если первый фактор приводит к

расширению экономического пространства и расширенному воспроизводству экстенсивного типа, то второй – обеспечивает интенсивный путь развития экономики.

В инвестиционной практике данные процессы достаточно тесно переплетены, и разграничение данных типов расширенного воспроизводства выступает теоретическим приемом исследования воспроизводства и накопления. Так, если строительство завода на принципах самого передового технологического уклада расширяет экономическое поле производства, то данный процесс характеризовать как экстенсивный экономический рост неправомерно.

В годы индустриализации были решены задачи создания технологических основ экономической системы нового социального строя. Это позволяло решить и социальные проблемы, уменьшить аграрное перенаселение и реализовать принцип всеобщности труда. Вместе с тем проявившаяся в те годы тенденция к расширенному воспроизводству экстенсивного типа и соответствовавшая в целом социально-экономическим условиям создания экономики того периода, в начале 80-х годов прошлого века стала негативным фактором экономической динамики.

Цель инвестирования производна от целевой направленности экономической деятельности общества в целом. Справедливо отмечается, что выбор вектора экономики и ее оптимального состояния «...является в большей степени задачей социальной, политической и этической, чем экономической, поскольку он поднимает вопрос сравнения полезностей или «заслуг» [8, С.321]. Именно детерминированность цели экономической деятельности советского государства идеологическими установками и политическими факторами привела к созданию специфической модели накопления, которая обладала уникальными чертами, сформировавшимися как результат реализации теории построения коммунизма (обобществление, планомерность) в определенных исторических условиях.

Народнохозяйственная модель исторически создавалась в единстве его оборонной и гражданской составляющих. Оборонная доктрина лежала в основе деятельности планирующих органов, определяя основные направления планомерного формирования воспроизводственного механизма в предвоенный период истории развития советской экономики. Инвестиции направлялись в первую очередь не на расширение основ удовлетворения потребностей конечного потребителя, а на обеспечение реализации потребности в приоритетном общественном благе – оборона страны. Этот факт подтверждается динамикой снижения удельного веса продукции группы «Б» промышленности (производство предметов потребления) в общем объеме промышленного производства: если в 1913г. он составлял 65,9%, то в 1928 г. – 60,5%, а в 1937 г. – только 50,9% [3, С.12].

Принятая в те годы оборонная доктрина, тесно связанная с концепцией национальной безопасности, отражала, в том числе, особенности геополитического расположения России как государства. Надо отметить, что концепция национальной безопасности России не может быть выработана только под влиянием социальных теорий (социализм, капитализм, индустриальное, постиндустриальное общество и пр.). Российское государство обладает значительной территорией, богата ресурсами и на протяжении всего своего существования была объектом экспансии со стороны других государств. В условиях современной глобализации данный аспект не только не теряет своей актуальности, но и актуализируется, поскольку экспансия со стороны других государств приобретает более завуалированные, а не только военные формы.

Вместе с тем на протяжении всего периода социалистического строительства необходимость создания отраслей, работающих на реализацию оборонной стратегии, усиливалась неприятием многими государствами самой возможности построения в России «пролетарского» государства, а также наличием экономических и территориальных претензий к нашей стране после окончания Первой мировой войны.

Внешняя среда во многом предопределила воспроизводственную модель экономики и выбор инвестиционной стратегии в пользу массивованных внутренних вложений в отрасли двойного назначения при преимущественном развитии отраслей военно-промышленного комплекса страны. В качестве объекта ускоренного развития были закономерно выбраны отрасли среднего машиностроения, способные не только к непосредственному выпуску военной техники, но и имеющие производственно-технологические возможности и резервы для резкого увеличения ее производства в военное время. Например, тракторные и автомобильные заводы конструировались таким образом, чтобы основные узлы и детали тракторов можно было использовать при выпуске танков, авиационной техники, грузовиков. Советские предприятия по выпуску удобрений также с самого начала ориентировались на производство в случае военной угрозы взрывчатых и отравляющих веществ.

Таким образом, технологическое единство продукции оборонного и гражданского назначения составляло одну из характерных черт советской модели воспроизводства, что предопределило трудности ее преобразования в последующие периоды.

Способность к форсированному выпуску промежуточного продукта базовых отраслей (металлургия, топливная промышленность, электроэнергетика) согласно мобилизационным планам в случае начала военных действий являлась отличительной чертой советской экономики, созданной в процессе индустриализации.

Целевая направленность директивного планирования определяла распределение инвестиционных ресурсов в народном хозяйстве и его основные структурные пропорции. В тот период в основу воспроизводственного механизма были заложены элементы, недооценка которых в начале рыночной трансформации экономики привела к обвальному падению отечественного производства, - мобилизационность и дуальность технологий. В 90-е годы прошлого века провозглашенной курс на структурную перестройку воспроизводства путем конверсии на практике обернулся резким сокращением финансирования предприятий, относимых к оборонному комплексу. Это закономерно привело к тяжелым экономическим последствиям: в период с 1990 по 2000 гг. сократилось высокотехнологичное производство персональных ЭВМ в 12 раз, радиоприемных устройств в 15 раз, магнитофонов в 897 раз, телевизоров в 4 раза[5, С.223].

Падение производства предметов длительного пользования свидетельствует не только об углублении структурного кризиса отечественной промышленности, но и утрате способности отечественной промышленности обслуживать внутренний товароборот страны предметами потребления. Однако именно неудовлетворительный уровень производства потребительских товаров и трудности инвестирования домохозяйств в предметы длительного пользования являлись показателем структурного кризиса, переживаемого экономикой Советского Союза в 70–80-е годы прошлого века. Необходимость его разрешения по сути предопределила выбор курса на «перестройку» основ воспроизводственного механизма страны, в ходе которого был спровоцирован синергетический эффект смены вектора ее социально-экономического развития.

Начавшаяся в конце 20-х годов индустриализация экономики с первых шагов осуществлялась без специализации первичных звеньев – предприятий – на выпуск гражданской и военной продукции. Каждое крупное предприятие было в состоянии перейти к выпуску вооружения по единому мобилизационному плану, который тесно сопряжен с планом мобилизационного развертывания Красной Армии.

В отличие от организации производства в царской России, опиравшейся при оснащении своей армии преимущественно на специализированные казенные заводы, плановые органы сделали ставку на оснащение Красной Армии таким вооружением, прежде всего, для нужд

авиации и танковых соединений, производство которого базировалось на использовании двойных (дуальных) технологий, пригодных для выпуска как военной, так и гражданской продукции.

Мобилизационный тип экономики выступает особым типом экономики, который следует отличать от диверсифицированного производства. Данные отличия группируются по нескольким направлениям:

– Во-первых, мобилизационная экономика отражает определенные исторические условия ее формирования, а диверсификация производства выступает объективным процессом, свойственным воспроизводственным системам в условиях высокого уровня накопления капитала в форме концентрации и централизации производства;

– Во-вторых, институциональную основу мобилизационной экономики составляют предприятия оборонного комплекса, а диверсификация производства включает, в том числе, предприятия сугубо гражданского сектора;

– В-третьих, с технологической стороны мобилизационная экономика основана на дуальных технологических схемах производства продукции, а диверсификация производства направлена на получение экономического эффекта от комбинации производств, как в оборонном, так и гражданском производстве;

– В-четвертых, для мобилизационной экономики характерно наличие стойких диспропорций в воспроизводственной структуре, с той же время как диверсификация производства призвана их нивелировать и обеспечить устойчивость фирм в изменяющейся рыночной ситуации.

Выделенные черты мобилизационного типа экономики не являются исчерпывающими. Однако они показывают, что смешение мобилизационной и диверсифицированной типов экономик при трансформационных преобразованиях приводит к тяжелейшим социально-экономическим последствиям.

В технико-технологическом отношении в результате индустриализации, проведенной в 30-е годы прошлого века, была создана материально-техническая база, которая соответствовала параметрам третьего технологического уклада. Данный уклад характеризуется развитием электроэнергии, тяжелого машиностроения, электротехнической, сталелитейной, химической промышленности. Вместе с тем созданные средства производства основаны на использовании большого количества ручного труда и машин с электрическим приводом на основных технологических операциях.

Значительные закупки импортного оборудования в процессе индустриализации обеспечили создание передовых для того времени средств труда на основных технологических операциях в обрабатывающей промышленности страны. Так, в 1931 г. импорт машин, оборудования и техники составлял 31% от всего мирового импорта данных товаров. Доля импортных машин, оборудования и техники значительно сократилась в период второй пятилетки. В дальнейшем импорт еще более снизился и был уже сегментарно сконцентрирован на закупках продукции, которая в Советском Союзе пока не производилась. К концу тридцатых годов большая часть технологического оборудования и силовых машин производилась советскими заводами, включая производство вооружений [4, С.45].

Концентрация производства в советской экономике на крупных промышленных объектах нашла свое выражение в создании гигантских предприятий, таких как, ЗИЛ, ГАЗ, Уралмаш, ХТЗ, СТЗ и другие флагманы индустриализации. Данные предприятия изначально способны функционировать при плановом распределении своей продукции на государственные нужды и иметь устойчивый сбыт. Они производили продукцию массового потребительского

спроса во вспомогательных производствах, тесно связанных единой технологической цепочкой с основным производством. Единственным инвестором и заказчиком продукции было государство с его приоритетной потребностью в общественном благе – обороне. В этих условиях закономерно прогрессировали отрасли оборонного сектора, которые удовлетворяли данную общественную потребность.

Транспортная и энергетическая инфраструктура, которая обслуживала нужды оборонного комплекса страны, была создана в рекордно короткие сроки. Инвестирование в строительство Беломорканала, канала «Волга-Дон», Транссиба и крупных транспортных развязок направлена на решение проблемы перевозок на стратегически важных направлениях. Создание мощных тепло- и гидроэлектростанций обеспечило энергетическими ресурсами бурно развивающуюся советскую промышленность.

Особое место в структуре инвестиций в советский период развития экономики занимали вложения в науку и создание передовых технологий в области конструкционных материалов, самолетостроения, химии, физики, биологии. Организация научной сферы, как важнейшей составляющей экономического прогресса страны, была подчинена задачам, прежде всего, укрепления обороноспособности страны. Коллективы ученых были сориентированы на удовлетворение общественно потребности в обороне, поэтому фундаментальные и прикладные исследования завершались опытно-конструкторскими работами и опытным образцом.

В оборонном секторе технологический цикл «наука – техника – производство» был предельно сжат по времени, а эффективность научных разработок определялась внедрением новых технологий и новыми изделиями.

В структуре Академия наук СССР отделения естественнонаучных дисциплин, связанных с оборонным комплексом, получали приоритетное инвестирование, обладая мощнейшей материально-технической базой.

Организационно-экономические отношения формировались под влиянием теоретико-методологических концепций планомерности, всеобщности труда и непосредственно-общественного характера труда в социалистическом расширенном воспроизводстве. Однако на практике значительную роль в процессе индустриализации и коллективизации сыграли внеэкономические формы принуждения к труду, которые принимали самые разнообразные формы – от использования энтузиазма представителей рабочего класса до принудительного прикрепления работников к организациям (научным, производственным, сельскохозяйственным и др.).

Управление инвестиционной деятельностью в условиях формирования высококонцентрированного производства осуществлялось преимущественно по отраслевому принципу. В процессе индустриализации тресты и синдикаты, образованные согласно общей концепции Нэпа, были преобразованы в производственные объединения (1929 г.), которые включались в систему централизованного управления.

Организация работы первичных звеньев народного хозяйства по единому плану, включая инвестиционную сферу, привела к ликвидации конкурентных начал экономики, которую заменили социалистическим соревнованием с соответствующими стимулирующими индикаторами. За достижение контрольных цифр и заданий техпромфинплана первичного звена, который доводился министерствами и содержал раздел капитального строительства, боролись не только хозяйственные, но и партийные органы.

В территориальном управлении инвестиционными процессами значительную роль играли областные организации ВКП(б). Они выступали организаторами нового строительства крупных объектов, контролируя весь цикл строительства и ввод в эксплуатацию новых предприятий. Во всех крупных промышленных объединениях имелись комитеты на правах райко-

мов партии, что позволяла внеэкономическими методами более оперативно решать хозяйственные и социальные вопросы.

Советская форма централизованного управления инвестированием основывалась на внеэкономических, волевых методах. В условиях необходимости быстрого решения задач экономического развития в предвоенные годы являлась дополнительным внеэкономическим ресурсом инвестиционной деятельности государства. Молодежная организация правящей партии – комсомол – активно проводила в жизнь политику партии, а ее деятельность выступала мощным внеэкономическим ресурсом в инвестиционной сфере экономики.

Сформированная в советский период институциональная структура инвестиционной деятельности общества отражала специфическое сочетание экономических и внеэкономических способов координации между институтами внутренней и внешней среды. Инвестирование, как разновидность экономической деятельности, испытывало мощное воздействие таких институциональных факторов как воля, вера, энтузиазм, изменение социального статуса работников инвестиционной сферы и пр., которые традиционно в марксистской социологии относятся к внеэкономическим. Историческая ограниченность данных форм стала проявляться в период активизации товарно-денежных отношений в ходе реформ шестидесятых годов прошлого века.

Ликвидация внеэкономических и командно-административных методов централизованного управления экономикой и роспуск политических организаций (КПСС, ВЛКСМ, ВЦСПС) в 90-е годы прошлого века при отсутствии механизма рыночного стимулирования и резкого сокращения присутствия самого государства в экономической сфере явилась катализатором институционального кризиса, который еще не преодолен.

Стремительный рост числа управленцев в государственном аппарате РФ в 90-е годы прошлого века был обусловлен, в том числе, объективной необходимостью замещения партийных институтов и возврата к управляемости социально-экономическими процессами на макроуровне.

Периодически проводимые административные реформы в концептуальном плане направлены на укрепление институционального каркаса государственного регулирования социально-экономической сферой, который был разрушен в первый этап трансформации государства (1992-2001 гг.).

В социально-экономическом отношении преобладание государственной собственности на факторы производства в экономической структуре страны соответствовало задачам формирования мощного высоко обобществленного комплекса с развитой инвестиционной сферой. Государственные структуры и партийные органы выступали субъектами инвестиционной сферы, и в тоже время практически единственными потребителями созданных инвестиционных благ, концентрируя их на крупных объектах. Всего в предвоенные годы (1929–1940 гг.) было построено в РСФСР около 9 тыс. предприятий, большинство из которых относились к заводам тяжелого машиностроения. Это позволило увеличить валовую продукция промышленности в 6,5 раз, а производство средств производства – в 10 раз[21,С.22].

Таким образом, при оценке эффективности советской модели инвестирования, сложившейся в предвоенный период, необходимо иметь в виду следующее. Аппарат централизованного планирования исходил из того, что обороноспособность страны является стратегической целью экономического развития особого исторического промежутка времени. Это было обусловлено спецификой построения социализма в отдельно взятой стране и капиталистическим окружением. Приоритет мобилизационной подготовки промышленности перед текущим военным производством выступает чертой данного периода. Вместе с тем в документах Госплана СССР указывалось, что подъем благосостояния является программной целью социали-

стического государства. В материалах правящей в советский период партии особо подчеркивалось: «В области соотношения между производством и потреблением необходимо иметь в виду что нельзя исходить из одновременно максимальной цифры того и другого ..., ибо это неразрешимая задача, или исходить из одностороннего интереса накопления в данный отрезок времени..., или исходить из одностороннего интереса потребления, принимая во внимание и относительную противоречивость этих моментов и их взаимодействие и связанность, причем с точки зрения развития на длительный срок интересы эти, в общем, совпадают, необходимо исходить из оптимального сочетания обоих этих моментов» [10,С.34].

У планирующих органов наличествовало понимание необходимости подъема благосостояния и роста платежеспособного спроса населения, как внутреннего двигателя экономического развития страны, но в реальной инвестиционной практике планы оптимизировались по критериям приоритетного удовлетворения общественных потребностей. Развития потребительского сектора в рамках народнохозяйственного комплекса связывалось с наступлением благоприятных внешних условий и решения внутренних вопросов развития страны. Во 2-ом пятилетнем плане народнохозяйственного развития (1937гг.) ставилась задача увеличения производства потребительских товаров более чем в два раза, но эти показатели в предвоенный период достигнуты так и не были[9,С.20–21].

Советская инвестиционная модель основывалась на том, что государство выступало основным инвестором в личный фактор социалистического производства. Данные инвестиции при жестко-централизованной системе распределения ресурсов являлись главным источником инвестирования в развитие рабочей силы, необходимой для решения задач индустриализации страны и подготовке к ведению коллективных хозяйств в аграрном секторе экономики.

Инвестиции в сферу образования позволили за период с 1929 по 1940 гг. почти в 7 раз увеличить число лиц, получивших среднее образование. В этот период было подготовлено более 3 млн. работников со средним общим и специальным образованием [12,С.455].

Гигантский размах нового капитального строительства требовал использование большого количества ручного труда, прежде всего, на вспомогательных производствах и концентрацию неквалифицированного труда на «стройках коммунизма». В действительности экономические методы привлечения работников ручного и полумеханизированного труда в результате планового распределения трудовых ресурсов из аграрного сектора экономики использовались наряду с обеспечением участия особой категории рабочей силы, сосредоточенных в «исправительных» учреждениях. Имеются оценочные данные об использовании труда этой особой категории рабочей силы, которые давались участниками многочисленных дискуссий в 90-е года прошлого века. Назывались цифры от менее 1 млн. человек до более чем 10 млн. человек. Очевидно, что привлечение данного особого человеческого ресурса сыграло определенную роль в ускорении темпов нового строительства объектов тяжелой индустрии и транспортной инфраструктуры, особенно в северных и восточных территориях страны.

Важнейшим социальным результатом инвестиционной деятельности советского государства явилось создание системы рабочих мест для вовлечения всех трудоспособных граждан в производительный процесс. К 1930 году в результате проведения жестких мер административного регулирования сферы занятости закрылись рыночные институты - биржи труда. Закрепилась административная модель трудовых отношений, в которой домохозяйство выступает как объект государственного регулирования, а трудоустройство выступает частью инвестиционной деятельности государства.

Включение в производственный процесс дополнительной рабочей силы на протяжении всего советского периода рассматривалось как положительный фактор социально-экономического развития страны. Дороговизна импортного оборудования объективно приво-

дило к тому, что технология производства в основном была трудоемкая. Повышение производительности труда достигалось в основном за счет повышения его интенсивности, т.к. производительная сила труда лимитировалась уровнем производительности наличной техники и технологиями производства.

Принцип всеобщности труда, как экономическая форма реализации общенародной собственности, предполагал обеспечение полной занятости, которая, по существу, отождествлялась с предоставлением рабочего места всему трудоспособному населению.

В предвоенные годы трудовой ресурс не рассматривался в качестве барьера для проведения индустриализации. Это отражало исторические условия того времени, хотя инвестиционные программы послевоенного периода наталкивались на так называемый дефицит рабочей силы.

Из теоретического положения о делении вновь созданного продукта на необходимый и прибавочный, которое было характерно для марксистско-ленинской политической экономии, следовало то, что необходимый продукт имеет две составные части. Первая обеспечивает воспроизводство рабочей силы в материальном производстве и принимает форму заработной платы, а вторая – это общественные фонды потребления (ОФП), которые на протяжении всего советского периода финансировались из бюджета страны по так называемому остаточному принципу.

Развитие начальной, средней и высшей школы было проинвестировано в объемах, покрывающих потребности советского государства в рабочей силе определенного качества. Отрасли, которые обеспечивали потребности домохозяйств (здравоохранение, социальное обеспечение, торговля, бытовое обслуживание, строительство жилья и другие) испытывали хроническую нехватку инвестиций на расширение своей материальной основы и были объединены в категорию так называемых «непроизводительных» отраслей народного хозяйства.

Характеризовать тип воспроизводства в отраслях непродуцированной сферы в предвоенные годы как суженный было бы неверно. Несмотря на невысокий уровень предоставления социальных общественных услуг населению, они стали более доступны для основной массы населения. Факты свидетельствуют о том, что в предвоенные годы была создана гарантированная система доступа к социальным услугам широких слоев населения городов и деревень. Кроме того, в результате инвестирования в развитие легкой промышленности, представленной, прежде всего, обувной, текстильной, швейной, пищевой, были построены крупные комбинаты в г. Иваново, Москве, Ленинграде и других городах страны. Однозначно отнести данные комбинаты к отраслям легкой промышленности, производящим потребительские товары, неправомерно. Продукция оборонного заказа составляла значительную часть выпуска, и директивно распределялась. Наблюдался рост выпуска продукции данных комбинатов. Так, за период с 1928 по 1940 гг. производство обуви увеличилось в 3,6 раза, трикотажа – в 22 раза, тканей – в 1,5 раза при неудовлетворенном спросе со стороны населения. Эти цифры отражают значительный удельный вес продукции для оборонного сектора страны [22, С.413].

Равновесие между платежеспособным спросом населения и производимой социалистическими предприятиями товарной массой было объектом государственного регулирования, но достигалось при низком уровне личного потребления домохозяйств. Тем не менее, в предвоенный период наблюдались позитивные процессы в социальной сфере советской экономики, а фактическое потребление домохозяйств предметов первой необходимости имело тенденцию к росту.

Сознательно проводимая государственная политика подавляла рыночные механизмы в сфере занятости и трудовых отношений, оказав противоречивое влияние на инвестиционную сферу.

Проведение государственной политики, основанной на подмене материальной заинтересованности работников в конечном результате своего труда внеэкономическими методами принуждения к труду, дает определенный результат на коротком историческом промежутке времени. Подавляется инициативность, предприимчивость, стремление к нововведениям, что закономерно приводит к снижению эффективности всего инвестиционного процесса.

Товарно-денежные отношения в советской модели инвестирования выполняли своеобразную функцию перераспределительного механизма в системе директивного планирования. В механизме планового перераспределения прибавочной стоимости между отраслями I и II подразделений общественного воспроизводства, группами А и Б промышленности значительную роль играло плановое ценообразование, которое обеспечивало мобилизацию финансовых ресурсов страны и ускоренную индустриализацию оборонного комплекса страны.

В ходе налоговой реформы 1930 года в состав цены был включен налога с оборота, что привело к искусственному перекосу цен в пользу отраслей тяжелой промышленности. Данный финансовый инструмент обеспечил проведение политики занижения цен на средства производства и завышения цен на продукцию легкой и пищевой промышленности. Кроме того, налог с оборота взимался в нефтяной и газовой промышленности по твердым ставкам с 1 т нефтепродуктов или 1 тыс. куб. м газа, что обеспечивало государственный бюджет стабильным финансированием.

Отсутствие рыночных механизмов перелива сбережений населения в ценные бумаги производственного сектора и ценовое перераспределение являлось единственным способом устойчивого финансирования инвестиционных программ государства. Данный механизм перераспределения сохранялся до трансформационных мероприятий 90-х годов прошлого века. Влияние механизма централизованного перераспределения инвестиционных средств на воспроизводственную структуру национального хозяйства было неоднозначным. С одной стороны, он сыграл положительную роль в финансировании инвестиционной деятельности государства. С другой стороны, низкие цены на средства производства углубляли структурный перекося, создавая иллюзию дешевизны средств производства, способствуя перенакоплению в отраслях тяжелой индустрии и консервируя экстенсивный тип расширенного воспроизводства.

Реальные доходы населения в значительной мере поддерживались за счет средств из ОФП. Наличие в номинальной цене на предметы потребления и средства труда налога с оборота, который выполнял перераспределительную роль, делало несопоставимыми показатели развития отечественной и зарубежной экономики. Это затрудняет ретроспективный анализ тенденций в сфере накопления и потребления советской экономики. Дешевые факторы производства, включая труд, способствовали «перегрузке экономики инвестиционными программами без учета их реальной стоимости, порождая неспособность оценить реальную экономическую нагрузку, связанную с инвестиционными программами» [3, С.11].

Реализация стратегии государственных и партийных институтов на укрепление обороноспособности страны предполагала использование внутренних источников инвестирования. Данная стратегия не включала вопросы создания открытой экономики и, тем более, ее интеграцию в экономические союзы с капиталистическими странами. Советская инвестиционная модель характеризовалась такой чертой, как изоляционизм, вытекающий из состояния конфронтации двух социальных систем. Внешнеэкономическая среда инвестирования рассматривалась властными структурами в тесной связи с внешнеполитическими условиями развития советской экономики, которые изначально трактовались как неблагоприятные для укрепления социализма, победившего в одной стране.

Практика привлечения иностранного капитала путем заключения концессионных договоров в обрабатывающей и добывающей промышленности, а также в сельском хозяйстве была одной черт Нэпа. Роль иностранных вложений в инвестиционном процессе была минимальной. Доля продукции концессионных предприятий в 1926/27 г. составляла всего 0,4% валовой продукции народного хозяйства, а наибольшее число концессий приходилось на 1 февраля 1929 года (68), хотя уже на 1 октября их осталось только 59. Вместе со свертыванием Нэпа роль иностранных инвестиций была исчерпана. практически ушли из экономики страны [23,С.104–105].

Внешнеэкономические связи советского государства развивались в направлении активизации торговых отношений с западными странами. Проводились массовые закупки импортного оборудования для создания мобилизационных резервов страны на случай потери части территории в военный период, что вытекало из общей установки на неизбежность войны двух противоположных социальных систем.

Мобилизационный характер имели дополнительные инвестиции в оборотные средства, которые предназначались для обеспечения самодостаточности военного производства в случае ведения длительных военных действий. В то время была создана система Государственного резерва по всем видам стратегических запасов с четкими нормами неснижаемого их остатка. Нацеленность крупных предприятий на выполнение напряженных государственных планов при постоянной угрозе срыва в системе директивного материально-технического обеспечения стимулировало перенакопление запасов сырья и материалов, ухудшая показатели их оборачиваемости и общей эффективности.

Таким образом, советская модель инвестиционной деятельности в предвоенный период отражала специфику социально-политической и экономической деятельности советского государства. Она характеризовалась такими чертами, как:

- смещением ее стратегической цели: направленность на удовлетворение в одном из видов общественных благ - обороноспособности;
- форсированным формированием орудий производства в базовых отраслях и среднем машиностроении, которые имели двойное назначение, а также ускоренным инвестированием в человеческий потенциал и развитие образовательной сферы;
- созданием передового для того времени технико-технологического уклада, развитого сектора НИОКР, внедрением наиболее передовых научно-технических разработок в оборонные отрасли, выступавшие своеобразным «локомотивом» всей экономики;
- централизованной концентрацией инвестицией и производств на крупных капиталоемких объектах тяжелой индустрии методами директивного планирования и жестко централизованного управления при преобладании волевых отношений между участниками инвестиционной сферы;
- массивным финансированием капитальных вложений из государственного бюджета, практически полным отсутствием других субъектов инвестиционной деятельности, кроме государства, т.к. по сравнению с государственной инвестиционной программой объемы инвестирования из собственных средств у колхозов, как института коллективной собственности, были несопоставимо малы;
- закрытостью и слабой связью с внешнеэкономической средой, которая к 1937 году свелась к внешнеторговым отношениям при ликвидации иностранных инвестиций в народнохозяйственном комплексе страны;

– особой институциональной структурой и значительным влиянием внеэкономических факторов экономического роста, таких как, партийные институты, общенародная идея, подъем национального самосознания, инструменты морального стимулирования и др.

Короткие исторические сроки создание индустриально-аграрной экономики были обеспечены реализацией принципов функционирования советской инвестиционной модели. Вместе с тем решение задач по инвестированию аграрного сектора, отраслей легкой промышленности, бытовых услуг и торговли потребительскими товарами сознательно откладывались в пользу развития отраслей оборонного комплекса, а также сопряженных производств, встроженных в целостную ткань народнохозяйственного комплекса страны.

Высокая норма производственного накопления обеспечивала форсированное развитие отраслей промышленности группы «А». Низкий уровень личного потребления в аграрном секторе, поддерживаемый организацией работы «по трудовням», являлся важным финансовым источником инвестиций с последующего перераспределения средств в промышленный сектор экономики страны.

Сформированный в предвоенный период жесткий каркас воспроизводственного механизма служил идеи реализации амбициозных целей политического руководства страны, заложенных в программных документах ВКП(б). В ущерб генетическому подходу в планировании инвестиционной деятельности целесообразность инвестиционной деятельности рассматривалась через призму политических целей. Экономическая целесообразность многих элементов советской модели инвестирования с позиции обеспечения прибыльности предприятий не была приоритетом. Внутренний спрос на инвестиционные блага диктовался государством, а население практически не влияло на формирование данной модели.

Заложенные в рассматриваемой исходной модели противоречия по линии «цель – средства» и «цель–результат» инвестиционной деятельности достаточно отчетливо проявились к середине 60-х годов прошлого века. Их несвоевременное разрешение способствовало переориентации всей экономической модели - от плана к рынку.

О потенциальных угрозах наличия долговременных воспроизводственных диспропорций, как результата выбора телеологического метода директивного планирования, предупреждали как отечественные экономисты в ходе уже упоминавшейся дискуссии, так и видные зарубежные теоретики. Основатель макроэкономического государственного регулирования Дж. М. Кейнс после проведенного анализа советской системы прямого партийно-государственного управления экономикой указывал на следующие опасности:

- во-первых, стремление подмять экономику под надуманные идеологические догмы и стереотипы («доктринальная глупость») приводит к игнорированию потребностей конечного потребителя;
- во-вторых, поспешность реализации непродуманных решений могут иметь более разрушительный, чем созидательный характер;
- в-третьих, нетерпимость и насилие в проведении экономических преобразований [7,С.71].

Безусловно, не следует абсолютизировать выводы английского экономиста. На наш взгляд, при существующей методологии уровня развития самой экономической науки принципиально не осуществимо предвидение «всё и вся». Верность тех или иных решений обнаруживается по истечению значительного «экономического» времени. Переоценка возможностей социального управления, отсутствие сдерживающих механизмов и обратных связей в экономической сфере, равно как и гражданского общества в политической, привели к глубоким диспропорциям в структуре воспроизводственного механизма советской экономики.

Воспроизводственная модель народного хозяйства, нацеленная на защиту Отечества и устремленная в будущее, предложенная правящей партией в определенной степени не только соответствовала социо-культурным традициям народа, но и отражала их. Интересна точка зрения Г. Л. Тульчинского, который заметил, что «в этом плане культура и идентичность не после, а до экономики, не после, а до политики ... именно культура и идентичность делает людей обществом» [20, С.398].

К чертам национального самосознания населения, сформировавшегося на геополитическом пространстве Советского Союза в границах Российской империи, следует отнести мифологичность сознания, терпеливость, готовность переносить невзгоды ради сохранения территориальной целостности и светлого будущего, вера в высшую власть («доброе Царя»). В этом случае строительство идеального общества – коммунизма – находило поддержку со стороны многих социальных групп общества получивших в результате социально-экономических преобразований экономические выгоды и политическую власть, хотя бы формально. Но, с другой стороны, социальные группы, оказавшиеся в вынужденной эмиграции и потерявшие экономическую власть, не смирились и настойчиво продолжали разрабатывать рыночный проект преобразований. Который был частично реализован после 1991 года.

В начале прошлого века в предреволюционный период Россия не смогла сформировать институты гражданского общества. Предложенный правящей после Октябрьской социалистической революции партией вариант советской демократии отождествлялся большинством населения с единственно возможной формой народовластия. Колоссальные издержки индустриализации и коллективизации, на которые сделали особый упор идеологи рыночных реформ в 90-е годы прошлого века, не привели к отторжению социалистической воспроизводственной модели развития, что, в свою очередь, позволило использовать в качестве дополнительных источников ее развития значительные внеэкономические ресурсы.

Эффективность мобилизационного типа жестко-централизованной экономики и ее преимущества в быстром решении вопросов материального обеспечения армии и флота были продемонстрированы в военный период. Несмотря на имеющие место в общественно-политической литературе дискуссии и противоречивые оценки, нельзя не отметить, что воссозданная за Уралом в рекордно короткий срок база военной индустрии предопределила экономическую сторону исхода Отечественной войны. Внеэкономические методы руководства военной экономикой доказали свою эффективность в решении тактических задач на уровне всего народнохозяйственного комплекса.

Послевоенная модель инвестиционной деятельности не только воспроизвела практически все поименованные выше черты предвоенного воспроизводственного механизма мобилизационной экономики, но и углубила ее воспроизводственный структурный перекос.

Оборонная доктрина советского государства претерпела ряд изменения под влиянием появления принципиально нового вида оружия. Однако по-прежнему предполагала превращение страны в единый военный лагерь и количественный перевес обычных вооружений, как залог успеха в военных действиях. Приоритет политических целей над социально-экономическими не оспаривался экономистами. Стремление к достижению военного паритета с первой ядерной державой потребовало от советской экономики продолжение курса на мобилизацию ее инвестиционных ресурсов, их вложений в создание новых отраслей в рамках среднего машиностроения - ракетостроение, космические аппараты и другие подотрасли.

В послевоенный период политическое руководство страны столкнулось с новыми геоэкономическими технологиями искусственного нагнетания военных угроз, втягивания национальных экономик в изматывающий внутренние ресурсы страны процесс милитаризации [11, С.11].

Существовавшая в советский период практика закрытия статистической информации по развитию отраслей народного хозяйства не позволили широкому кругу экономистов проанализировать реальную воспроизводственную структуру экономики. В послевоенные годы советское государство, по сути, не только провело вторую индустриализацию на разрушенных войной территориях, но провело индустриализацию новых районов, вовлеченных в хозяйственно-культурный оборот, консервируя основные черты прежней модели инвестиционной деятельности.

Крайне сложные по природно-климатическим условиям и географической отдаленности районы Северо-Сибирского направления и Дальнего Востока для своего освоения требовали значительные капитальные вложения. Разработка новых месторождений нефти и газа в Западной Сибири обеспечили приток иностранной валюты, что положило начало порочной и активно продолжающейся политики «нефть за продукты питания и ширпотреб». Заселение северных и восточных регионов, создание крупных промышленных центров и наукоградов, требовали концентрации инвестиционных ресурсов и обширных вложений в промышленное строительство и социальную сферу. В 60–70-е годы прошлого века в данных регионах были созданы новые мощные индустриальные центры, которые выпускали монопродукцию добывающей или оборонной промышленности. Централизация производства в регионах Севера, Сибири и Дальнего Востока была результатом проведения инвестиционно-промышленной политики, которая предполагала высокую норму производственного накопления при опережающем развитии отраслей тяжелой индустрии для обеспечения нужд не только оборонного, но и добывающего сектора советской экономики. Кроме того, в аграрной политике был взят курс на освоение целинных земель в зонах рискованного земледелия, что потребовала перераспределение вложений из центральных районов во вновь осваиваемые земли казахстанских степей.

Послевоенная модель инвестирования отражала потребности форсированного территориального развития национального хозяйства Советского Союза. Вместе с тем регионально-территориальный фактор значительно влиял на неравенство в социально-экономическом развитии регионов и советских национальных республик. К 1990 году замедление темпов роста ВВП и производительности труда происходило крайне неравномерно в республиках, экономики которых входили в состав единого народнохозяйственного комплекса. При росте национального дохода страны на 2, 3% по сравнению с 1985 годом РСФСР обеспечила прирост на 0,9%, Белорусская ССР – на 14,4% , а Таджикская ССР – падение на 17,2 %. Это было индикатором негативных явлений в сфере эффективности общественного производства. Если общесоюзный индекс производительности общественного труда в тот же период составил 107,4%, то в России он составил 107,1%, в Белоруссии – 116,1%; а в Таджикистане – 86,8% [13, С.12-13]. Различия, соответственно, отражались в уровне среднемесячной заработной плате труда: в России в 1990 году была выше общесоюзной на 8,1%, в Белоруссии ниже на 3,75%; а в Таджикистане составляла всего 75,3% от общесоюзной [13, С.38].

Курс на преимущественное развитие отраслей группы «А» и строительство новых индустриальных и аграрных центров в условиях поддержания экономики в постоянной мобилизационной готовности составлял содержание государственной инвестиционной политики в послевоенные годы вплоть до 1991 года. Обострение системы противоречий в воспроизводственной модели советской экономики проявлялись в нарастании диспропорций между производством и конечным потреблением, в структуре валового продукта и в не соответствии стоимостного и натурально-вещественного выражения национального дохода. Советскую экономику следует охарактеризовать как экономику с преимущественно планово-централизованной координацией. Основные потоки инвестиционных ресурсов измерялись в натуральном выражении и направлялись на расширение, прежде всего, материальных основ мобилизационной экономики. Ценообразование на инвестиционные товары играло подчинен-

ную роль в перераспределении добавленной стоимости в фондообразующие отрасли, составляющие основу оборонного комплекса страны. Продукция оборонного комплекса, производимую советскими предприятиями, не являлась товаром в политэкономическом значении, т.к. еще до начала ее производства все затраты на ее производство признавались общественно-необходимыми и планомерно распределялись через систему государственных комитетов и министерств.

Вопрос об эффективности и результативности оборонного сектора требует дополнительного рассмотрения. Эффективность изделия оборонного сектора, например, ракеты или ракетносителя в собственно экономическом смысле определить чрезвычайно трудно. Как правило, это мелкосерийные и часто модифицируемые изделия. Их сравнение с другими аналогами, в том числе, зарубежными, по линии «затраты – результаты» носит довольно относительный характер ввиду высокого удельного веса затрат интеллектуального труда на всех стадиях НИОКР и собственно выпуска изделия.

Ресурсоемкость оборонной продукции задается технико-технологическими параметрами, а процесс снижения трудозатрат, материало- и фондоемкости имеет объективные границы и регулируется показателями боеготовности военной техники. Падение фондоотдачи в машиностроительном комплексе за период с 1985 по 1990 годы на 1 рубль среднегодовой стоимости основных фондов с 1,24 руб. до 1,17 руб. трудно однозначно охарактеризовать как снижение эффективности машиностроения без учета влияния особенностей продукции среднего машиностроения, производящего оборонную продукцию.[13, С.382].

Экономическая результативность оборонного комплекса, как и мобилизационного типа экономики в целом, также трудно поддается исчислению. Конечные результаты их функционирования связаны со специфическим общественным благом и обеспечивают реализацию функций государства. Целенаправленно создавалась ресурсоемкая воспроизводственная модель мобилизационной экономики для обретения специфического блага – мирного периода развития. Данный аспект рассмотрения позволяет сделать вывод о несомненной эффективности вложений в обороноспособность, т.к. в течение последних десятилетий население страны не участвует в отражении открытой военной агрессии. При использовании других локальных критериев эффективности, характеризующих понятия «индивидуальные блага» мобилизационная экономика советского типа, безусловно, менее эффективна. Вместе с тем анализ советской инвестиционной модели должен вестись с учетом того, что ее целенаправленность определялась внеэкономическими факторами. В противном случае данный анализ методологически некорректен.

В советский период властные структуры неоднократно предпринимали попытки преобразования механизма управления инвестиционным комплексом для преодоления диспропорций воспроизводства. Этапами поиска воспроизводственной модели мобилизационной экономики, которая бы смогла обеспечить максимизацию удовлетворения как индивидуальных, так и общественных потребностей, являлись реформы управления, проводимые в период с 1953 по 1964 гг. В условиях, когда общая концепция мобилизационной экономики руководством страны и центральными плановыми органами не пересматривалась, реформаторские начинания закономерно оканчивались неудачей. Процесс демократизации управления экономикой предполагал включение экономических стимулов и отказ от методов внеэкономического принуждения к труду. Это объективно требовало разрешения вопроса об отоваривании номинальной заработной платы и реального подъема благосостояния трудящихся.

В условиях закрытости экономики и неприятия курса на массовый импорт потребительских товаров данная задача могла быть решена форсированным развитием отраслей группы Б промышленности, а в их структуре – ростом доли выпуска потребительских товаров длительного пользования. Удельный вес производства предметов потребления, выпускаемой

группой Б промышленности, в общем объеме продукции промышленности на протяжении всего советского периода оставался низким – в пределах от 27,5% в 1960 г. до 25,2% в 1985г., не достигнув даже предвоенный уровень в 39% [14, С.96].

В ходе реформы, которая инициировалась видным государственным деятелем А.Н. Косыгиным, была сделана попытка создания новой структуры инвестиционной сферы и выделения из состава государственных институтов, во-первых, субъектов инвестиционной деятельности – социалистических предприятий; во-вторых, поставщиков и подрядчиков инвестиционного комплекса; в-третьих, субъектов инфраструктуры (плановые органы, банковская система, проектные, страховые, контрольные учреждения и арбитражные органы).

Наделение субъектов инвестиционной сферы реальными экономическими правами позволило бы более четко определить стороны социально-экономических отношений в системе социалистического накопления, элементами которой выступали:

- отношения по производству, распределению, обмену и потреблению прибавочного продукта;
- отношение по созданию фонда накопления;
- отношение по формированию и совершенствованию вещественного фактора социалистического производства;
- отношение по поводу производства и распределения жизненных средств для дополнительно вовлекаемой рабочей силы;
- отношения по материализации производственного и непроизводственного фонда накопления в новое строительство, реконструкцию и модернизацию.

В институциональном разрезе в советской модели инвестиционной деятельности роль экономических институтов и предприятий была предопределена плановыми, партийными, профсоюзными, комсомольскими и советскими органами. Рыночные институты выполняли вторичные, не присущие им функции по координации взаимосвязей между сферами общественного воспроизводства. Инвестиционный климат для первичных звеньев советской экономики предопределялся самой системой планирования, поддержкой партийно-государственными органами и наличием неформальных отношений аппарата управления с соответствующими институтами, представлявшими перераспределительный механизм реализации групповых интересов.

Анализ последствий проводимых в середине 60-х годов реформ показывает, что объективно самовоспроизводился механизм мобилизационной экономики, а в структуре целей советского государства ключевой оставалась обороноспособность страны и поддержание статуса сверхдержавы. В конце 70-х годов в рамках противодействия американской программе СОИ активизировалось прямое инвестирование в новые оборонно-космические технологии. О масштабах инвестирования косвенно свидетельствует то, что перенесенная стоимость основных факторов производства в составе валового общественного продукта в 1982 г. увеличилась на 76,5 млрд. руб., в то время как в 1981 г. – 22,3 млрд. руб. и в 1980 г. – на 22 млрд. руб. [13, С.49,379; 15, С.45,378].

Воспроизводственные диспропорции в советской экономике в начале 80-х годов прошлого века стали внешне проявляться в нараставших трудностях в удовлетворении потребностей населения в качественных потребительских товарах текущего и длительного пользования, а также в социальных услугах – в здравоохранении и пенсионном обеспечении.

Воспроизводственные диспропорции привели к экономической ситуации, которая характеризовалась как «экономика дефицита». Кроме того, в обыденном сознании населения

стала формироваться убежденность в том, что особенные черты воспроизводственного механизма мобилизационного типа являются имманентными характеристиками социально-экономического способа производства, основанного на общественной собственности на средства производства.

Изучение экономической история прошлого века на примере Советского Союза и Германии позволяет прийти к выводу о том, что от структурных, воспроизводственных, сегментарных, отраслевых, технологических и других диспропорций не застрахованы национальные хозяйства, основанные как на частной, так и общественной собственности.

Опыт довоенной Германии показал, что рыночное хозяйство, основанное на частной собственности при диктаторском политическом режиме, не гарантирует установления пропорциональности между производительной и потребительной силой общества и на этой основе достижение благосостояния всех членов общества.

В послевоенное время реализованный в западной части Германии проект Л. Эрхарда, который часто приводится отечественными и западными публицистами в качестве показателя способности рынка преодолевать любые экономические затруднения, опирался, прежде всего, не только на энергию, энтузиазм и хозяйственные традиции немецкого народа, но финансовые ресурсы, заложенные в плане восстановления Европы (план Маршалла).

Необходимость реформирования советской модели инвестиционной деятельности в середине 80-х годов прошлого века диктовалось потребностью в восстановлении целевой направленности экономического развития, переноса цели функционирования первичных звеньев народного хозяйства – социалистических предприятий – из плоскости политической в социально-экономическую. «Перестройка» рассматривалась как реформирование воспроизводственной модели советского типа, сложившейся в пред- и послевоенные годы. Цель реформ – это замена экономической модели мобилизационного типа на не менее эффективную модель, но направленную на конечного потребителя.

В теоретическом аспекте данная модель известна как «социализм с человеческим лицом». Предполагалось, что, поддерживая разумный уровень обороноспособности страны, воспроизводственный механизм обеспечит бы всестороннее удовлетворение потребностей населения. Это отразилось на экономических показателях 1990 года: в структуре союзного промышленного производства произошло повышение доли предметов потребления с 25,2% в 1985г. до 27,6% в 1990г., а в структуре производства предметов потребления увеличился вклад отраслей тяжелой промышленности с 30,7% до 37,2% [13, С.353–354].

Инвестиционная деятельность в реальном секторе экономики выступает основным экономическим инструментом изменения воспроизводственной структуры национального хозяйства путем обновления ее производственного аппарата. К середине 80-х годов прошлого века советская экономика обладала достаточно развитой инвестиционной сферой, сориентированной на создание фондосоздающих отраслей и технологий двойного назначения.

Износ основных промышленно-производственных фондов в союзной промышленности в удельном весе от общей стоимости увеличился с 41% в 1985 г. до 46% в 1990 г. При этом данные показатели в топливно-энергетическом комплексе были, соответственно, 37 и 44%, в металлургическом – 45% и 51 %, в машиностроительном – 40 % и 47 %, в лесохимическом – 44 % и 53%, легкой – 36 % и 38%, пищевой – 39 и 41% [13, С.375]. Выбытие устаревших фондов в 1990 году составляло всего 1,7% от общей стоимости данных фондов. Создание новых прогрессивных рабочих мест шло параллельно с консервацией устаревших сфер применения труда. Дополнительная потребность общества в том или ином виде продукции не покрывалась продукцией вновь созданных рабочих мест в виду того, что производительность труда на вновь введенных рабочих местах обеспечивала удовлетворение в дополнительном продукте.

В период 1985–1990 гг. в инвестиционном комплексе страны наметились положительные тенденции, развитие которых могло привести к улучшению структурных пропорций воспроизводства на уровне союзной экономики. До 1989 года большая часть капитальных вложений из государственного бюджета направлялась на новое строительство. В 1990 году произошел перелом в воспроизводственной структуре капитальных вложений: в период с 1980 по 1990 гг. удельный вес вложений на техническое перевооружение и реконструкцию увеличился на 20 пунктов и составил 53,1% [13, С.549].

В технико-технологическом разрезе в 80-е годы прошлого века отечественная промышленность находилась на первоначальной стадии создания автоматизированного производства. Основную часть составляли полуавтоматы и циклические автоматы, как наименее совершенные виды автоматизированного оборудования. Уровень развития инвестиционного комплекса не обеспечил переход к комплексно-механизированному и автоматизированному производству. На передовом в технологическом отношении Волжском автомобильном заводе степень механизации и автоматизации труда составляла в основном производстве 70,2 %, во вспомогательном – 42%. Всего по данным официальной статистики только 14,5% процентов предприятий промышленности было автоматизировано и комплексно механизировано [16, С.133,149].

В структуре совокупной рабочей силы, занятой в советской промышленности на 1 августа 1985г., 65,1% рабочих выполняли работы при помощи машин и механизмов, а также функции по наблюдению за автоматами, в то время как 34,9 % рабочих работали вручную при машинах и механизмах и не при машинах и механизмах [17,С.9]. В эти годы устойчивая тенденция повышения удельного веса занятых при автоматах, машинах и механизмах свидетельствовала о том, что происходили определенные качественные изменения в производительных силах общества. Таким образом, наблюдалась медленная, но поступательно-прогрессивная динамика развития факторов производства.

Вместе с тем реализация программ реформирования советской модели инвестиционной деятельности в 80-х годах прошлого века проходила в условиях крайне неблагоприятной внешнеэкономической конъюнктуры и падения цен на ресурсные товары, которые в 1990 году составили 54,5% экспорта страны [13, С.662]. Сокращение доходов от экспорта приводило к необходимости увеличения его физических объемов для восстановления валютных поступлений. Если в 1985г. экспорт сырой нефти составил в натуральном выражении 28,9 млн.тонн, то в 1990 г. – 38 млн.тонн, а экспорт газа за тот же период возрос с 68,7 млрд. куб. м до 109 млрд. куб.м, или на 37% [13,С.646].

Негибкие цены на потребительские товары и продукты питания, повышение номинальной заработной платы при отсутствии ценовых ограничений спроса, а также резкое увеличение доходов от «новых кооперативов» без реального роста производительности труда привели к резкому обострению ситуации на потребительском рынке страны.

В 1990 году в народном хозяйстве нарастала хаотизация экономических связей. Властные структуры стремились к стабилизации потребительского рынка системой административных мер (нормирование продукции, карточки покупателя и прочие символы администрирования).

Для экономической практики нормированное распределение фонда жизненных благ не являлся новым феноменом. Однако нормирование требует больших транзакционных издержек. В течение прошлого века государство неоднократно вводило нормированное распределение продуктов потребления – в 20–30-е годы, в период войны и послевоенное время, в середине 60-х годов. Однако в начале 90-х годов при слабом влиянии государства на каналы сбыта и активизации товаро-денежных отношений данная мера еще больше осложнило социально-

политическую ситуацию. Подготовка к политике кардинальной смены социально-экономических основ общества можно рассматривать как контролируемый процесс хаоса, где стихийность носит контролируемый характер.

Анализ исходной модели инвестиционной деятельности показывает, что к высоко обобществленной экономике мобилизационного типа понятийно-категориальный аппарат функционального анализа, было методологической ошибкой младореформаторов. В начале 90-х годов прошлого века для советской экономической системы характерны методы прямого директивного планирования, а товарно-рыночные отношения выполняли вспомогательную роль. «Включившиеся» стихийные механизмы квазирыночной координации изначально не могут выполнить созидательную функцию по формированию эффективного механизма инвестиционной деятельности трансформационной экономики.

Идея трансформационных преобразований инвестиционной практики не имела целостного теоретического оформления к началу практических действий нового правительства России. При оценке практики трансформационных преобразований, происходивших в России в последней декаде прошлого века, важно учитывать два момента:

– Во-первых, практическая реализация социологического проекта по строительству коммунизма показала слабые и сильные стороны не столько самого проекта, сколько выявила определенные закономерности построения новой экономики как «принудительно-направляемого» движения (Л.Эрхард);

– Во-вторых, внедрение (копирование) социально-экономических моделей, как успешных для конкретных стран с определенным культурологическим фоном, является, типичной ветвью в формировании эффективной модели инвестиционной деятельности в российской экономике.

В первом аспекте при формационной трансформации политическая необходимость берет верх над экономической. Последовавшие за сменой вектора социально-политического развития мероприятия «шоковой терапии» и другие шаги властных структур в экономической сфере необходимо оценивать с точки зрения их политической результативности («выхода из коммунизма»), а отнюдь не с позиции социально-экономических выгод для всех агентов национального хозяйства.

Несомненный теоретико-методологический интерес вызывает второй момент. Многие отечественные экономисты разделяют тезис об ограниченности применения западного опыта модернизации в условиях России как евроазиатской страны. Проблема соединения социокультурных факторов и рыночных преимуществ выступает основной в поиске адекватной модели инвестиционной деятельности.

Трансформация исходной – советской модели инвестирования в реальный сектор экономики занимает определенное историческое время. Теоретическое выстраивание всех элементов эффективной модели инвестиционной деятельности, как было показано на примере становления воспроизводственной модели мобилизационного типа, предполагает учет не столько экономических параметров, сколько зависит от комплекса объективных и субъективных факторов и условий формирования инвестиционного климата в новой экономической среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адельфинский А.О. Формирование рыночной экономики: социально-экономический аспект (Вопросы теории). М.: Нар. учитель, 2001.– 144 с.; Альтернатива: выбор пути (Перестройка управления и горизонты рынка). М.: Мысль, 1990.– 463 с.; Богомолов О.Т. Моя летопись переходного времени. М.: Экономика, 2000.– 366 с. Римашевская Н.М., Римашевский А.А. Равенство или справедливость. - М.: Финансы и статистика, 1991. – 160 с.
2. Абалкин Л.И. и др. Стратегический ответ России на вызовы нового века / Под общ. ред. Л.И. Абалкина. М.:Экзамен,2004.– 605 с.; Львов Д.С., Макаров В.Л., Клейнер Г.Б. Экономика России на перепутье веков. М.: "Управление Мэра Москвы", 2000. – 87 с.; Платонова Е.Д. Современная теория и практика накопления (трансформационный аспект) / Под ред. д.э.н., проф. Е.В.Юферевой. М.: Изд-во АПКИППРО, 2006. – 370 с.
3. Анисимов А.Н. Анализ макроструктурной перестройки экономики. М.:Наука,1993.–128 с.
4. Антти Хелантера, Симон-Эрик Оллус. Почему Россия не Финляндия. Сравнительный анализ конкурентоспособности. (Авторизованный перевод с английского под ред. Л. Тодорова). Серия «Межстрановые социально-экономические исследования». М.: Издательство Института экономики переходного периода, 2004. – 176 с.
5. Белая книга. Экономические реформы в России.1991–2001 / С. Ю. Глазьев, С. Г. Кара-Мурза, С. А. Батчиков. М.: Алгоритм, 2002. – 432 с.
6. Гайдар Е. Т. Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995. – 207 с.; Мау В.А. Экономика и власть. Полит. история экон. реформы в России, 1985–1994. М.: ТОО "Дело",1995.– 109 с.; Моделирование механизмов функционирования экономики России на современном этапе // Сборник статей под ред. В.З.Беленького. Выпуск 5. М.: ЦЭМИ РАН, 2001. – 152 с.
7. Гибало Н.П. Идеи Дж. Кейнса о командно-административной системе в России и их актуально-адекватное созвучие современности.//Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2001. №1. С.35–42.
8. Интрилигатор М. Математические методы оптимизации и экономическая теория. М.: Прогресс,1975. – 601 с.
9. Индустриализация СССР.1933–1937гг. Документы и материалы. М.:Наука,1971.– 545 с.
10. КПСС в резолюциях и решениях. М: Политиздат,1970, Т. 4. – 247 с.
11. Кузык Б. Стратегия развития: задачи перехода к геоэкономической модели.// Российский экономический журнал. 2000. №3.– С.3–14
12. Народное хозяйство СССР в 1980 г. М.: Финансы и статистика,1981. – 584 с.
13. Народное хозяйство СССР в 1990 г. М.: Финансы и статистика.1991.– 750 с.
14. Народное хозяйство СССР в 1985г. М.: Финансы и статистика,1986. – 658 с.
15. Народное хозяйство СССР в 1982 г. М.: Финансы и статистика,1983. – 574 с.
16. Народное хозяйство СССР.1922–1982. – М.: Финансы и статистика,1982.– 623 с.
17. Научно-технический прогресс в СССР: статистический сборник/Госкомстат СССР.М.: Финансы и статистика.1990. – 270 с.

18. Нэп. Взгляд со стороны: Сборник /Сост. В.В. Кудрявцев. М.: Моск.рабочий,1991. – 302 с.

19. Струмилин С. Индустриализация СССР и эпигоны народничества.// Плановое хозяйство.1927. №7.С.10–12.

20. Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология: Новые перспективы свободы и рациональности. СПб.: Алетейя, 2002. – 677 с.

21. Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т.2.М.:Советская энциклопедия,1975. – 560 с.

22. Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т.3. М.: Советская энциклопедия, 1979. – 624 с.

23. Юферева Е.В. Ленинское учение о госкапитализме в переходный период к социализму. М.:Экономика,1969. – 245 с.

Рецензент: Гуцин Игорь Александрович, исполнительный директор, к.э.н., ООО «Бизнес консультирование, менеджмент и аудирование»